

«Пусть будет доброта моя тебе укором,
1190 Коль ты не отомстишь парижским людоморам»⁹⁷.

Я, созывающий бежавших от резни,
Моливший Господа: «Спаси их, сохрани!» —
Воспевший горе их, тревоги, жизнь в раздорах,
Могу ли умолчать о тех, кто сердцу дорог?

1195 В тот злополучный час, когда враги в бою
Клинками многими проткнули плоть мою,
Целитель ран моих, мой ангел, мой хранитель⁹⁸
Меня, столь грязного, впустил в свою обитель,
И семь часов подряд взирал на рай мой глаз,

1200 На таинства небес, о чем пишу сейчас,
И пусть все это сон и морок на рассвете,
Пусть примерещились в бреду виденья эти⁹⁹,
Не спрашивай меня, читатель, ни о чем,
Воздай Творцу хвалу, тебе же польза в том.

1205 Жар вдохновения тем часом раздувая,
В беспмятство впадал я в дивных куцах рая.
Повернутый на юг, следил за солнцем взгляд,
От полдня жаркого клонился на закат,
С востока к западу тянулась вереница

1210 Живых картин того, что впереди таится.
Еще сто образов вдали увидел я,
Явились лучшие столетья сыновья;
Подчас и палачи не захотят трагедий,
В них станут катами родня или соседи.

1215 Мой дух измученный невольно разглядел
Толпу едва живых, совсем раздетых тел,